„И хлебушек увозили весь туда— на победу над врагом...“

О НАЧАЛЕ ВОЙНЫ мы узнали в конторе колхоза имени Сталина. Собиралось мужиков в конторе по утрам очень много, да и нас, парней-подростков от 13 лет до 15, тоже порядочно. Слушали, что говорили старшие по возрасту (мы их очень уважали). Зашел в контору Громов Матвей Михайлович и говорит: «Началась война. Германия вероломно напала на Советский Союз». Он знал об этом от своего квартиранта — политического ссыльного. Был тот очень грамотный, имел маленький приемник. Он и сообщил, что война началась. Все мужики застонали и заохали. Знали, что всем им не миновать ужаса войны.

В августе сорок первого забирали на фронт на верную смерть. Набор был очень большой, но всех мужичков почему-то не взяли. Несколько десятков осталось, в том числе и мой отец Кузнецов Илья Васильевич.

Очень мне запомнилось хорошо, как стояли мужики на илимке и прощались с родными и близкими друзьями, с женами и детьми. Некоторые — в последний раз.

В нашей деревне Проспихино в сорок первом было 130 дворов. В каждом доме один, а то и два мужика пошли на фронт. Очень жутко было, когда, прощаясь, мужики плакали навзрыд, а дети и жены — еще больше. Август 1941 года был ночами очень пасмурный и темный, даже собаки стали ночью выть и лаять, предчувствуя беду. А собак было в каждом доме не по одной — мужики ведь все были охотники.

В сорок первом проспихинцы не ощутили нехватки рабочей силы, так как посевная была закончена, сенокос тоже шел к концу. Осталась одна хлебоуборочная, и ее закончили с успехом.

В сорок втором, 20 мая, был еще один большой набор на фронт. Остались только старые да малые. Как раз шла посевная кампания, надо сеять, пахать, боронить, а некому, последних взяли на фронт.

В это время был директором школы кежмарь Лушников Никон Михайлович. Он освободил от занятий в школе мальчиков от 13 до 15 лет пятых, шестых и седьмых классов (я учился в седьмом классе). Вот мы и поехали поля боронить, пахать и сеять, выполняли всю мужскую работу. А какие из нас были работники? С большим трудом справлялись с плугом и сеялкой. Но не зря в старину говорили: мал золотник, да дорог. Пахали и боронили все на лошадях. Были два трактора — ЧТЗ и ХПЗ, но трактористов тоже взяли на фронт и работать на них было некому.

Посевную кампанию закончили успешно, и мы, пацаны, пошли опять в школу, чтобы сдать экзамены. Сдали все без исключения. В сорок втором мы, проспихинцы, уже ощутили нехватку мужской рабочей силы. Старые и малые работали с раннего утра до позднего вечера, на часы не смотрели, да и часов-то не найти было днем с огнем.

Тогда и началась трудовая голодная жизнь: работай, а есть не проси. Да и у кого спросить хлебушка-то? Был написан лозунг на красном полотне: «Все для фронта, все для победы!» И хлебушек увозили весь туда — на победу над врагом. Старикам, женщинам, парням и девчонкам — по триста-четыреста граммов в сутки, а работу спрашивали со всех — малых и старых. Бригадирами были две женщины — Колпакова Наталья Ивановна и Колпакова Дарья Федоровна.

В августе сорок второго взяли на фронт парней 1924 года рождения. Колпакова Николая Васильевича, Баранникова Валентина Михайловича, Колпакова Адольфа Федоровича. Взяли и моего брата — Кузнецова Александра Прокопьевича. Все они учились шесть месяцев на младших командиров на станции Асино. После учебы молодые командиры 18-ти лет пошли на фронт воевать— уничтожить врага, освободить нашу землю от фашистской нечисти.

В сорок четвертом, 30 августа, погиб мой брат. Он был командиром орудия «сорокопятки». Получил четыре боевые награды. Прямой наводкой была разбита «сорокопятка», и весь расчет разлетелся по воздуху. Вот как воевал и погиб за Родину мой брат 19 лет — Кузнецов Александр Прокопьевич, не дожив до победы 10 месяцев. С фронта ранеными пришли в сорок втором Громов Матвей Михайлович, Колпаков Прокопий Филиппович, Колпаков Петр Данилович. А позднее, в конце сорок четвертого, пришел с фронта инвалидом первой группы (обе ноги были перебиты) мой отец — Кузнецов Илья Васильевич. Вы спросите, почему же так: два брата Прокопьевичи, а отец Илья Васильевич. Наш отец, Прокопий Васильевич, умер от тифа в январе 1931 года, а наш родной дядя Илья Васильевич взял нас в дети и мать в жены, вот и получилось два отца.

Отец мой, Илья Васильевич, умер в 1966 году в Красноярске в госпитале участников войны от тяжелых ранений. Мы его с младшим братом привезли на самолете и похоронили в Проспихино.

Много еще было горя, плача и слез, когда жены получали похоронки на погибших мужей. Все жители, старые и малые, соболезновали вдовам. А мужики-то были какие — кровь с молоком! От 18 до 45 лет.

В сорок четвертом, 20 мая, стали призывать и 1926 года рождения. Нас было в деревне трое. Меня, по некоторым болезням и другим причинам, не взяли в мае, сказали: осенью возьмем, поживи, поработай в колхозе, там тоже нужны рабочие руки. Осенью оставили до весны 1945 года.

Очень хорошо запомнилось, как узнали о победе. Шла посевная кампания. Еще были по утрам заморозки на земле. Сидели рано утром у огонька в ожидании солнышка, чтобы оттаяла земля на урочище Глинная. Бегут к нам прямо к огоньку двое ребятишек, размахивают какой-то бумагой и что-то говорят впопыхах, а мы ничего понять не можем, что они говорят, задыхаясь от волнения и радости. Подали мне эту бумагу, я читаю: кончилась война, выпрягайте лошадей, ура!

Был митинг на площади бывшего старого клуба, выстроились все мы, молодые парни, на хороших лошадях, а рядом стояли еще парни с ружьями. Закончился короткий митинг криками «Ура!» и оружейным салютом. На лошадях, разукрашенных красивыми попонами, проехали вдоль по улице. Было много радости и слез. Дождались наконец-то Победы!

С уважением, пенсионер

А. П. КУЗНЕЦОВ.

с. Проспихино.